

Когда усталая поглотка из глубины игёт домой...

– Иван Николаевич, наверное, узнав о том, что Вы служили на «Курске», Вас начинают спрашивать о причинах трагедии?

– В первом экипаже «Курска» я был старшим помощником командира в звании капитан-лейтенанта. «Курск» для меня больная тема. Действительно, люди часто спрашивают об этой трагедии. Но я не люблю говорить об этом, в истории с «Курском» у меня до сих пор осталось много вопросов. Я этот корабль сам принимал с завода в Северодвинске. И получилось так, я его и хорошо знал. Он участвовал в демонтаже ракет, консервации атомного реактора. То, что я чувствую, даже спустя десятилетие, наверное, можно сравнить с зубной болью, кажется – вот-вот, затихает, но «глоток холодной воды» и опять она тебя пронзает с новой силой. В этом году исполняется 10 лет со дня трагедии, но чувство тяжести на душе не отпускает. 12 августа по традиции мы будем отмечать годовщину, для нас это день страшных воспоминаний. Я знаю многих вдов погибших подводников, их дети уже выросли. Можно долго спрашивать: почему не спасли? Но я свое мнение оставляю при себе.

– Вы сами командовали атомной подводной лодкой. Что для Вас было самым сложным?

– Да, действительно, после службы на АПРК «Курск» я возглавил гвардейский атомный подводный крейсер «Воронеж». Чтобы ни случилось в море, я всегда помнил слова вице-адмирала Бурцева Олега Леонидовича. Он, кстати, до сих пор служит, его хорошо знают на флоте, многим морякам он дал путевку в жизнь. Так вот он мне говорил: «Иван, железо – это ничто, всегда помни, сколько людей увез в море, столько и верни на берег. Самое ценное – человеческая жизнь». И еще подводники знают, что каждый корабль уникален, каждый экипаж создает свои неповторимые знаки отличия, нашивки. Кстати, атомный подводный крейсер «Курск» стал первым среди военных кораблей ВМФ России, у которого появился на рубке свой герб.

Представьте себе, экипаж подводной лодки больше 125 человек. Для каждого моряка корабль – это и дом родной, и его кормилец. Это не просто место, где ты проводишь дни, месяцы, а бывает и годы. Подводный крейсер – огромный живой организм, с боевыми ракетами, атомными реакторами, которые «дышат» и требуют ухода.

– Моряки-подводники считаются особой кастой в Военно-морских силах. С чем это связано?

– Да, это действительно так. Опытный взгляд всегда выделит офицера-подводника среди других. У них есть своя особая гордость.

Чтобы стать настоящим подводником, надо пройти очень жесткий отбор. И не важно, кем ты пришел на подводную лодку – офицером, мичманом или матросом. Для успешного выполнения поставленных задач экипаж должен стать одной семьей, так, чтобы один за всех и все за одного. Здесь не может быть случайных людей. Конечно, вокруг подводников существует некоторый ореол романтики – «белая фуражка, кортик золотой, я такой прекрасный – мальчик дорогой». Но такие люди не проходят адаптации. На самом деле – это очень сложный и тяжелый труд, нередко сон по 4 часа в сутки, автономные плавания по 3 месяца, постоянное нервное напряжение и самоконтроль.

– Как Вы решили сделать выбор в пользу подводного флота?

– В 1980 году я поступил Нахимовское училище, и, будучи курсантом, я первый раз попал на подводную лодку. Как сейчас помню, тогда еще были маленькие старенькие – 611-613 проектов. И я подумал, что никогда не пойду служить на подводную лодку. Но советская система подготовки военных была совершенно другой – умели людей убеждать, подготавливать быть патриотами своей страны. За два года мое мировоззрение совершенно изменилось. Поэтому выбор пал на училище подводного плавания.

– Вы помните свой первый поход?

– Да, конечно, мой первый поход состоялся, когда я был еще нахимовцем. Это был такой нормальный боевой поход, со стрельбой торпедами. В то время как раз планировал свой уход командир минно-торпедной боевой части, флагманский специалист Тихомиров. Вот он ко мне присматривался в деле вместе со старпомом и командиром. После училища они меня взяли к себе на

Служба офицера-подводника заслуженно считается одной из самых сложных на Военно-морском флоте. Даже уходя на заслуженный отдых, покорители морских глубин остаются верными таким священным для них понятиям, как дружба, взаимовыручка, честь и совесть. Для моряков их подводная лодка – не просто конструкция, а живой организм, любимый дом, о котором надо заботиться. Ведь за прочным корпусом субмарины нередко проходят лучшие годы их жизни. Накануне праздника всех моряков – Дня ВМФ, мы встретились в Колтушах с офицером-подводником, грамотным специалистом, беззаветно преданным Родине и морскому братству, гвардии капитаном 1 ранга запаса, старшим помощником командира атомной подводной лодки «Курск», командиром гвардейского атомного подводного крейсера «Воронеж» Иваном Николаевичем СИДОРОВЫМ.

лодку. Мой первый командир Кобелев Виктор Васильевич, кстати, так же как и я, сейчас живет в Колтушах. Затем призвали меня в новое формирование на «Курск», где я отслужил с 1991 по 1996 год. А потом был направлен на должность командира гвардейского атомного подводного крейсера «Воронеж», такого же, как «Курск», – они однотипны.

– У Вас была достаточно стремительная карьера. С чем это связано?

– Так сложилось. Я не скажу, что было легко. Думаю, это было связано и с моим трудом, характером и профессиональной помощью сослуживцев, старших товарищей. Я пришел на флот лейтенантом, и меня сразу назначили командиром боевой части. Как правило, такую должность получаешь в лучшем случае через два-три года.

– Сложно быть молодым командиром на флоте?

– Вы знаете, у меня были подчиненные, которые старше меня и по возрасту, и по званию, но никогда не возникало никаких проблем. Даже с командирами других кораблей всегда находил общий язык.

Надо понимать, что в море всегда сложно. Каждый день приходится решать те или иные задачи, и они на подводной лодке легкими не бывают. Случалось, что и за борт матросы падали, и не по какому-то разгильдяйству, а во время выполнения задач. Помню, что в феврале в Баренцевом море у нас смыло матроса за борт и стало утягивать на глубину кабелем, который весит несколько тонн. К счастью, достали. Вот в такие моменты, понимаешь, что такое действительно трудно. Всякое было: и пожары, и вода поступала. Обычные будни. Когда к этому готов весь экипаж, то все решаем. Это не берег, помощи ждать неоткуда, надеемся только сами на себя, на сплоченность экипажа, взаимовыручку.

– Моряки всегда отличаются своими традициями. Какие они у подводников?

– У каждого экипажа атомной подводной лодки, конечно, есть свои традиции, ритуалы, памятные даты, которые общие для всех. Это – День формирования экипажа, День подъема военно-морского флага, когда лодку приняли в боевой состав флота, День спуска на воду корабля. Эти традиции можно долго перечислять. Даже у каждого специалиста на субмарине есть свой маленький праздник: у механика – День пуска атомного реактора, когда он «задышал», у ракетной боевой части – День пуска первой ракеты и т.д. У кока, и того есть День повара. Кроме того, между экипа-

жами подводных лодок всегда идет как гласное, так и негласное соревнование. Каждый экипаж стремится стать лучшим.

– Насколько сложно находиться долгое время вдали от суши?

– В основном все походы стандартные, подводная лодка находится в море в среднем 90 суток. Автономное плавание, или, как еще говорят, автономка, обычно длится 2-3 месяца. Корабль в принципе не ограничен по времени нахождения в море, тем более с атомными реакторами. Единственное ограничение – это запас продовольствия. И конечно, усталость людей надо учитывать.

В море ко всему быстро привыкаешь, даже курить не хочется уже через два-три дня. Правда, сейчас такие подводные лодки строят, что есть специальные курительные комнаты. Эту проблему решили. Самое трудное время при длительном плавании – это первые дни, когда экипаж только начинает притираться, привыкать к монотонности. Потом все начинает действовать как часы, отточенный механизм. А самое трудное в автономке наступает, когда остается несколько дней до возвращения. Народ начинает терять бдительность, расслабляться, думать о доме. Если посмотреть статистику, то большинство аварий на подводных лодках произошло именно при возвращении домой.

– Во время длительного пребывания в море, наверное, начинаешь скучать по домашней еде. Что входит в рацион подводника?

– Рацион подводника всегда отличался от рациона других родов войск, он один из самых лучших. В СССР считался одним из самых привилегированных. Завтрак – обязательно каши, сыр, колбаса, масло, чай, кофе. На обед всегда подводникам выдается 50 грамм сухого вина. Во время борьбы с пьянством времен Горбачева пытались заменить вино на сок, но не прижилось. Также два-три салата, первое, второе, икра красная, шоколад и компот. На ужин подается то же самое, что и на обед, только без вина и шоколада. И еще вечерний чай с булочками или пирожками.

В основном народ в автономке поправлялся, хотя некоторые и худели – напряжение сказывалось. Плохо с питанием стало только тогда, когда Советский Союз развалился – отвратительные поставки были. Хорошо, что в 1993 году началось присвоение кораблям имен городов. Тогда их администрации стали брать такое своеобразное шефство над экипажами и оказывать нам помощь. Эта традиция сохранилась до сих пор. В автономке, бывало, сами лепили пельмени из расчета 25 пельмешек на человека. Каждая боевая смена выделяла людей в помощь кокам, которым не под силу было налепить пельменей на 130 человек.

– Как Ваша семья относилась к службе, длительному отсутствию дома?

– Это моя профессия, работа, смысл жизни, поэтому в семье никогда не обсуждалось. У нас вопрос – мы или корабль никогда не стоял. Естественно, семья всегда переживает, поэтому любая жена надеялась, что все вернутся живые и невредимые. Вообще, быть женой моряка-подводника – это профессия.

– А ваш сын определился с профессией?

– Он был у меня на подводной лодке, в не очень удачное время – видел все тяготы, лишения. Может быть, сказался и развал Советского Союза, когда по 4-5 месяцев мы не получали зарплату. Питались, что называется, «одножым кормом». Они с мамой грибы собирали и так далее. В это время шло формирование его личности, наверное, у него отложилось, что государство к нам не так относится, и выбрал другой жизненный путь: учил-

ся в институте иностранных языков, стал профессиональным переводчиком с английского и немецкого, также окончил юридическую академию.

– Что заставило Вас покинуть флот?

– Просто так жизнь обернулась, что по состоянию здоровья мне пришлось уйти. Предлагали береговую должность, в том числе и здесь, в Петербурге, и в Москве. Но я не видел себя офицером на берегу. Поэтому принял решение просто уйти. Может, это и к лучшему. Я вижу многих подводников-офицеров, которые с флота увольняются слишком поздно. Им очень сложно реализовать себя в этой гражданской жизни. Сказывается возраст, а многим уже гордость не позволяет пойти куда-нибудь в охрану.

– Вы скучаете по своей прошлой жизни?

– Я постоянно скучаю. Мне до сих пор снятся, как я иду куда-нибудь с экипажем, командую кораблем. Оно так просто не забывается – столько лет. Скучаю по той дружбе и поддержке, которая там была, ее здесь в обыкновенной жизни практически не встретишь. Здесь, чтобы к человеку попасть на приём, надо как минимум 5 раз позвонить, оговорить место и время. Там было проще: «Сейчас зайду». Здесь «скорую» не дожидешься, а там любой из членов семьи позвонит нашему корабельному врачу, и он через 5 минут будет у дверей. Вот был врач у нас Алексей Пичугин, он всех лечил – и детей, и жен, имел дополнительную специальность – «семейный врач». Такой атмосферы не встретишь в гражданской жизни.

– Но все-таки Вам удалось устроиться на гражданке?

– Сейчас, я могу сказать, что, в принципе, да. Прошел «через тернии к звездам». Мне помогло одно случайное знакомство. Еще когда я служил, встретился с Батуриным Игорем Юрьевичем. И когда я понял, что мне здесь тяжело, я пришел к нему, и он мне помог. В принципе, расписал все мои дальнейшие действия. Он мне так сказал: «Мало быть блестящим офицером-подводником. Мне приятно, конечно, с тобой общаться, но мне не нужен человек, который будет носить за мной папку в таком ранге и чине. Я хочу, чтобы этот человек и в этой жизни всего добился сам». И в 2007 году, через пять лет после увольнения, я возглавил собственную компанию – ООО «Межевая коллегия». Мне очень повезло, что я встретился с Игорем Батуриным.

Я иногда сравниваю его со своим отцом. В детстве я не умел плавать, и никак не мог научиться. Как-то я попросил папу: «Ну ты когда-нибудь научишь плавать, у меня ничего не получается». И вот мы шли мимо реки, и он просто меня скинул с боннов, сказав, что хочешь выжить – плыви. И я поплыл.

– Мне кажется, должна быть для уволенных в запас военных какая-то специальная адаптационная программа. Что Вы думаете?

– Я не понимаю, почему государство, в том числе и Военно-морской флот, не разработало такую специальную программу. Ведь увольняются не только командиры атомных подводных лодок, их вообще можно по пальцам пересчитать, а увольняются механики, которые знают реакторные установки. Почему их не забирают в Минатом, Росвооружение. Почему бы не предлагать уволенным командирам и другим офицерам читать, к примеру, лекции в военно-морских институтах, заниматься преподавательской деятельностью. В конце концов, предлагали бы устроить тем же учителем ОБЖ в школе. Должен формироваться специальный спрос. А не так, что человек должен идти унижаться – возьмите на работу. На пенсию, которую назначают, просто не выжить в этом мире. Давно пора создать институт, который бы решал проблемы адаптации военнослужащих после увольнения. Нужен правовой механизм, чтобы спрос на увольняющихся офицеров был как на курсантов, которые выпускаются из училища. Вот появился ты в списках на увольнение, значит, тебя можно рассматривать на такие-то должности. Ведь у офицеров-подводников огромный опыт работы. Почему бы из профессионалов подводников не сформировать кадровый резерв?

– Вернемся к приятному. Как Вы собираетесь отмечать свой праздник?

– Для меня есть два праздника – День подводника и День ВМФ. Конечно, мы все вместе встречаемся. Многие мои боевые товарищи живут здесь, в Колтушах, мы даже шутим, что у нас здесь филиалы гарнизонов подводников. Глава Администрации Эдуард Чирко всегда любезно приглашает с семьями, женами на торжественные мероприятия, посвященные этим праздникам. Иногда собираемся у меня на даче. Каждый раз по-разному. Но, что всегда в этот день остается неизменным – это третий тост «за тех, кто в море!» Мы проносим его за тех подводников, что не вернулись из студеных глубин. За тех живых, кто в эту минуту отмеряет суровые мили своей автономки. Пусть им сопутствует удача, пусть они возвращаются!

Беседовала Дарья ЖУКОВА
Фото из личного архива И. Н. СИДОРОВА